БЕСЕДА ДВУХ ПРОФЕССОРОВ
или
Путь через «Науку логики» Гегеля
— Три тома в одной непрерывной беседе —

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — не научный труд. Не учебник. Не комментарий к Гегелю.

Это — попытка показать структуру

«Науки логики» простым языком.
Тем, кто не философ. Тем, кто не читал Гегеля. Тем, кто боится начать.

Я — не профессор. Я — электрик. Я не изучал Гегеля глубоко. У меня нет времени на годы чтения. Но я прошёл структуру «Науки логики» — и хочу показать её другим.

Как я это сделал?

Я читал Гегеля и не всё понимал. Я начал разговаривать с искусственным интеллектом — не чтобы он написал за меня, а чтобы проверить своё понимание. Задавал вопросы. Спорил. Возражал. И постепенно из этого разговора вырос диалог двух профессоров — Беркутова и Лаврова.

Беркутов — это я. Электрик, который пришёл к философии от практики. Он не знает всех терминов. Он спрашивает. Он возражает. Он говорит: «Я не понимаю». И через это — понимает. Лавров — это тот, кто помогает понять. Не «гуру». Не «всё знает». А — собеседник, который знает чуть больше. Который может объяснить. Который не торопится.

Читатель — третий в комнате. Он не «изучает Гегеля». Он слушает двоих. И через их разговор — понимает. Не всё. Но — структуру. Путь. Движение.

Что это за текст и чего в нём нет

Это — не замена Гегелю. Это — путеводитель. Карта. Схема.

Я не претендую на полноту. Я не претендую на точность перевода всех терминов. Я не претендую на то, что мой Беркутов — это «настоящий Гегель». Я претендую на одно: на честность. Там, где я не знаю — я говорю, что не знаю. Там, где упрощаю — я говорю, что упрощаю. Там, где критикую Гегеля — я говорю, что это моя критика, а не его слова. Если ты захочешь глубже — читай самого Гегеля. Я дам ссылки. Я укажу параграфы. Но сначала — вот путь. Пройди его. Потом — сам.

Почему диалог?

Потому что Гегель — труден. Не потому, что он «умный». А потому, что он не различает читателя. Он говорит со всеми сразу — и потому не говорит ни с кем. Диалог — различает. Беркутов — это ты. Лавров — это тот, кто помогает. И вместе они — путь. Шаг за шагом. От «есть» — до «идеи». Это не «художественная литература». Не «роман». Но и не «сухой конспект». Это — разговор. Живой. С сомнениями. С возражениями. С паузами. И если ты, читатель, в какой-то момент скажешь: «Я не понимаю» — не закрывай книгу. Беркутов тоже не понимает. Он спрашивает. И Лавров объясняет. И ты — вместе с ними — идёшь дальше.

О чём эта книга

О «Науке логики» Гегеля. О том, как мысль движется от простого к сложному. От «есть» — к «идее». Через бытие. Через сущность. Через понятие. Это — три тома. Три вечера. Октябрь. Ноябрь. Декабрь. Аудитория 312. Мел. Тряпка. Две чашки чая. И разговор, который начинается с вопроса: «Что такое бытие?» — и заканчивается проводом. Потому что провод — это и есть ответ. Не «точка». «Двоеточие».

Пойдём.

═══════════════════════════════════

═══════════════════════════════════

═══════════════════

Действующие лица:

Антон Павлович Беркутов — профессор онтологии, приходит к идеализму от естественных наук

Сергей Николаевич Лавров — профессор философии, давно читает Гегеля

Аудитория 312. Три вечера — октябрь, ноябрь, декабрь. За окном — фонари и серое небо. Мел, тряпка, две чашки остывшего чая.

ТОМ ПЕРВЫЙ. УЧЕНИЕ О БЫТИИ

Октябрьский вечер

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КАЧЕСТВО

I. Чистое бытие и ничто

Беркутов:
— Начнём с начала. «Наука логики» открывается так: бытие, чистое бытие. Без всякого определения. Нельзя сказать, какое оно, нельзя сказать, где оно, нельзя сказать, чем оно отличается от чего бы то ни было. Оно — чистая непосредственность. Просто: есть.

Лавров:
— Да. И это не случайная точка отсчёта. Гегель начинает не с «чего-то», а с самой абстрактной мыслимой определённости. Бытие — это то, что остаётся, если от всего отнять содержание. Нет цвета, нет формы, нет веса. Только чистое «есть».
И вот тут начинается диалектика.

Беркутов:
— Потому что чистое бытие, если в нём нет никакого определения, неотличимо от своего противоположного. От ничто.

Лавров:
— Именно. Чистое бытие, лишённое всякой определённости, есть ничто. А ничто, взятое как мысль, — есть. Это не тождество в смысле «одно и то же», а совпадение: бытие, доведённое до

предела абстракции, совпадает с ничто, потому что у обоих нет содержания, нет различия, нет определения.

Беркутов:
— Бытие переходит в ничто, ничто переходит в бытие. Это движение взаимного перехода — становление.

Лавров:
— Да. И это первый конкретный шаг всей логики. Бытие и ничто — не «две вещи», а два момента одного движения. Становление — их единство, их истина. Становление — это не «среднее» между бытием и ничто, а движение, в котором они друг в друга переходят.

Беркутов:
— А в становлении можно различить

два момента. Один — когда бытие переходит в ничто. Другой — когда ничто переходит в бытие.

Лавров:
— Да. Первое — прохождение (Vergehen): бытие уходит в ничто. Второе — возникновение (Entstehen): ничто приходит к бытию. И становление — это единство возникновения и прохождения. Возникающее проходит, проходящее возникает. Это и есть диалектика в её простейшем виде.

Беркутов:
— И когда становление «успокаивается» — когда это движение схлопывается в нечто устойчивое — получается наличное бытие.

Лавров:
— Верно. Становление — движение, и в этом движении его моменты — бытие и ничто — снимаются. Результат — не просто «ещё одно бытие», а бытие, которое прошло через ничто и стало определённым. Наличное бытие (Dasein) — бытие с определённостью. Da-sein: быть вот здесь, быть этим, определённым.

Беркутов:
— Тут я хочу спросить. Вот это «снимается» — что значит? Гегель всё время говорит «снято». Бытие снято в наличном бытии, ничто снято в становлении. Я понимаю так: не уничтожено, а удержано как момент. Верно?

Лавров:

— Верно. «Снять» (aufheben) у Гегеля — это тройное движение: уничтожить (старая форма не держится), сохранить (содержание переходит дальше) и поднять на новый уровень (новая форма содержит старую как момент). Немецкое Aufheben и значит все три: отменить, сохранить, возвысить. Это — ключевое слово всей логики.

Беркутов:
— То есть бытие и ничто не противопоставлены как два разных предмета. Они — одно, увиденное с двух сторон.

Лавров:
— Именно. И это вообще ключ к гегелевской логике. Каждая категория переходит в следующую не «по аналогии» и не «по ассоциации», а

потому, что внутри неё обнаруживается противоречие, которое её ломает и переводит в следующую.

II. Наличное бытие. Нечто и иное

Беркутов:
— Наличное бытие — бытие определённое. А определённость — это то, что делает нечто нечем. Наличное бытие есть нечто.

Лавров:
— Да. И у нечто есть своя противоположность — иное. Нечто и иное — первая пара, в которой определённость расщепляется. Нечто есть то, что оно есть, потому что оно не есть иное. А иное есть иное, потому что

оно не есть нечто.

Беркутов:
— Но это отношение симметрично. Иное — это тоже нечто, только взятое со стороны «не-первого». И нечто — иное по отношению к иному. Они переходят друг в друга.

Лавров:
— Верно. Это первый пример того, как категория «уходит в иное» — и обнаруживает, что иное есть то же, что и нечто, только в другом положении. И тут Гегель делает тонкий ход: он различает определение и характер (Bestimmung и Beschaffenheit).

Беркутов:
— Определение — это внутреннее, то, что нечто есть само по себе. А характер

— то, как нечто определено извне, со стороны иного?

Лавров:
— Почти. У Гегеля это тоньше. Определение (Bestimmung) — положительная сторона определённости: то, что нечто есть как определённое. Но у нечто есть и отрицательная сторона — то, что оно не есть иное, что оно ограничено. И вот эта отрицательная сторона, когда она берётся со стороны иного, становится характером (Beschaffenheit).

Беркутов:
— То есть определение — это определённость изнутри, а характер — та же определённость, но взятая снаружи, как зависимость от иного.

Лавров:
— Да. И они переходят друг в друга. Определение, поскольку нечто соотносится с иным, становится характером. А характер, поскольку нечто «присваивает» его, делает своим, становится определением. Это движение — гегелевская «механика» определённости: внутреннее становится внешним, внешнее становится внутренним.

Беркутов:
— Приведу пример. Провод. Медь — его определение: проводник, материал, сечение. А нагрев от окружающей среды — его характер: зависит от температуры снаружи. Но если провод рассчитан на определённую температуру, то внешний нагрев становится его внутренним

определением: он «знает» свою допустимую температуру. Характер стал определением.

Лавров:
— Прекрасный пример. Именно так: граница между внутренним и внешним подвижна. То, что было внешним условием, становится внутренним определением, когда нечто «осваивает» его.

Беркутов:
— И точка, где нечто и иное соединяются и разделяются, — это граница.

Лавров:
— Да. Граница (Grenze) — ключевая категория. Она не просто «линия между». Граница — место, где нечто

перестаёт быть собой и иное начинается. Но она — имманентна нечто: она принадлежит нечто, она — его собственный момент. Без границы нечто не было бы определённым. И одновременно граница принадлежит иному. Она — общая точка нечто и иного. В границе нечто и иное соединены и разделены одновременно.

Беркутов:
— И здесь Гегель делает следующий шаг. Раз нечто определено границей и граница ему имманентна, то нечто конечно.

III. Конечность

Беркутов:

— Конечность. Конечное — нечто, взятое со своей определённой границей. Имманентной. Граница принадлежит ему. И раз есть два соотносящихся определённых нечто, одно можно назвать конечным, а другое — отрицанием этого конечного.

Лавров:
— Да. Конечное — это нечто с имманентной границей. Конечность не навязывается извне. Граница — внутри нечто, она — его собственный момент. Нечто конечно именно потому, что его граница не снаружи, а в нём самом.

Беркутов:
— И здесь важно: раз граница имманентная, то в ней нечто и иное не только разделяются, но и соединяются. Через эту имманентную границу

совершается переход. Движение выхода за границу — это долженствование.

Лавров:
— Вот тут давай уточним, потому что это один из самых трудных переходов. Гегель различает здесь несколько моментов.

Беркутов:
— Я раньше думал, что долженствование — это «напряжение», неосуществимое требование. Но потом понял: раз граница имманентна, то в ней не только разделяются, но и соединяются. И через неё совершается реальный переход. Долженствование — это движение выхода, а не просто «хотение выйти».

Лавров:
— Верно, и я поправлю: у Гегеля долженствование — это действительно движение, а не статичное напряжение. Но у него есть тонкая структура. Конечное, взятое в-себе (an sich), уже есть за своей границей. Почему? Потому что в-себе-бытие образовано через отрицание границы. В-себе конечное — это то, что оно есть вопреки границе, сверх неё. Но как конечное, оно имеет границу, удерживается в ней.

Беркутов:
— И вот это противоречие — в-себе уже за границей, но как конечное — в ней — и есть долженствование?

Лавров:
— Да. Но это противоречие не «застывшее». Оно — движущее.

Конечное долженствует, то есть требует выхода за границу — и выходит. Долженствование — это движение, в котором конечное выходит за свою границу и становится иным.

Беркутов:
— И здесь появляется различение границы и предела.

Лавров:
— Да, и это важное различение. Граница (Grenze) — имманентная определённость нечто. То место, где нечто перестаёт быть собой. Предел (Schranke) — та же граница, но взятая как препятствие, противостоящее в-себе-бытию и подлежащее преодолению. Граница — «я заканчиваюсь здесь». Предел — «я должен это преодолеть». Это одна

и та же точка в двух разных положениях.

Беркутов:
— И преодолённый предел становится новой границей нового конечного.

Лавров:
— Именно. Конечное выходит за границу — и оказывается новым конечным с новой границей. Новое конечное снова долженствует — и снова выходит. И этот бесконечный ряд — то, что Гегель называет дурной бесконечностью.

IV. Дурная бесконечность

Беркутов:

— Мы вышли через долженствование, через предел, вышли к иному конечному. Это конечное имеет свою границу — и мы снова вышли за неё. И получается бесконечная цепь конечных. Гегель назвал это дурной бесконечностью.

Лавров:
— Точно. Механизм полностью описан. Конечное → выход за границу → новое конечное → выход → новое конечное → ... Бесконечная цепь.

Беркутов:
— Почему «дурная»?

Лавров:
— Не потому что «плохая», а потому что не настоящая. Она бесконечна — ряд не имеет конца. Но она не достигает

бесконечного: каждое звено конечно. Бесконечность здесь — всегда «ещё одно», «следующее», «пока не достигнуто». Бесконечное всё время убегает вперёд. Ты никогда не стоишь в бесконечном, ты всегда только идёшь к нему.

Беркутов:
— Это бесконечность прогресса. «И так далее, без конца».

Лавров:
— Да. Каждое конечное отрицается, но отрицание само становится конечным — и ряд воспроизводит то же противоречие на новом уровне. Это бесконечность «дурная» в том смысле, что она не есть истинная бесконечность. Она — бесконечность становления, но не бытия. Она —

процесс, который никогда не завершается в результат.

Беркутов:
— И Гегель противопоставляет этому истинную бесконечность.

V. Истинная бесконечность

Беркутов:
— Истинная бесконечность — это не цепь конечных, а такое бесконечное, которое вбирает в себя конечное. Если до этого мы рассматривали конечное: наличное бытие, бытие, — то теперь надо взять бесконечное, в котором есть конечное, и есть граница конечного и бесконечного. В бесконечном есть его отрицание в нём

самом, оно и есть конечное.

Лавров:
— Ключевая формула. Бесконечное не стоит рядом с конечным, не после него. Конечное — это отрицание, имманентное бесконечному. Бесконечное содержит конечное как свой собственный момент. Дурная бесконечность бежала по цепи: конечное → конечное → конечное... Истинная — останавливает бег тем, что вбирает конечное в себя. Не «ещё одно», а единство.

Беркутов:
— Для-себя-бытие. Почему для себя? Потому что нет ничего другого. Поэтому оно только для себя.

Лавров:

— Точно. Но уточним: «нет ничего другого» — не значит «другого не существует». Другое снято внутри — оно есть, но как внутренний момент, а не как подлинно иное. Бесконечное отнеслось к иному, сняло его в себе — и теперь относится только к себе. Поэтому — для-себя.

Лавров:
— И здесь Гегель вводит категорию, которую мы должны назвать: идеальность. То, что конечное снято в бесконечном, — это идеальность конечного. Конечное не уничтожено, а идеализировано: оно есть, но как момент, а не как самостоятельное.
А для-себя-бытие — это реальность этой идеальности: бесконечное, взятое как определённое наличное бытие.

Беркутов:
— То есть цепочка: дурная бесконечность → истинная бесконечность (единство) → идеальность конечного → для-себя-бытие (реальность этой идеальности).

Лавров:
— Да. Для-себя-бытие — это результат, в котором истинная бесконечность «обосновалась» как определённое бытие. Оно — не абстрактное «везде», а конкретное «здесь», которое тем не менее бесконечно, потому что содержит в себе своё иное как снятый момент.

VI. Одно и многое

Беркутов:
— Раз никаких границ нет, что можно сказать про это бесконечное? Что есть одно. Кроме этого бесконечного, ничего другого нет, нет другого конечного, нет другого бесконечного, есть одно бесконечное.

Лавров:
— Да. Для-себя-бытие сняло иное внутри себя. Нет подлинно другого — значит, есть одно (Eins). Это не «один предмет среди других», а одно как всё: бесконечное, которое ничего не оставляет вне себя.

Беркутов:
— С другой стороны, бесконечное, которое есть одно, раз у него нет границы, оно так же переходит в другое одно. Потому что они ничем не

отличаются. И в третье одно. И этот переход, вы не можете заметить, потому что нет границы, через которую вы переходите. Само это одно перетекает во многое.

Лавров:
— Это ключевой диалектический ход. Одно — без границы. Но безграничное одно не может удержать свою единичность: если у него нет ничего, что отличало бы его от «другого», то «другое одно» — то же самое. Нет критерия различия. Поэтому одно неотличимо от другого одного — и в этом их тождестве одно перетекает в другое одно. Перелив без границы. В дурной бесконечности ты видел переход — была граница, через которую переходили. Здесь границы нет, и переход — незаметный, непрерывный.

Одно уже есть другое одно, но нет момента, где ты мог бы сказать «вот здесь началось другое».

Беркутов:
— Как можно мыслить многое, не мысля одно? Никак. Как можно говорить об одном, не предполагая многое? И одно, и многое — это категории для выражения бесконечного.

Лавров:
— Именно. Многое (Viele) рождается не из того, что к одному «прибавляется» ещё одно. Многое — это развёртывание одного: одно, взятое во множественности, где каждое — то же одно, неотличимое от других. Бесконечное не выражается ни как «только одно», ни как «только многое».

Оно выражается в их единстве: одно есть многое, многое есть одно.

Лавров:
— И здесь Гегель вводит два момента, которые мы должны назвать явно: отталкивание и притяжение.

Беркутов:
— Отталкивание — каждое одно утверждает себя как отдельное, отталкивает иное?

Лавров:
— Да. Отталкивание (Repulsion): каждое одно — для-себя-бытие, оно отталкивает иное, утверждает себя как отдельное. Многое — результат этого отталкивания: одно отталкивает другое одно, и их множество — это многие.

Беркутов:
— А притяжение?

Лавров:
— Притяжение (Attraktion): но многие — это каждое одно, и все они тождественны. Нет критерия различия. Поэтому они притягиваются друг к другу, сходятся в одно. Притяжение — момент единства многих.

Лавров:
— И вот что важно: отталкивание и притяжение не противопоставлены как два разных процесса. Они — одно движение: одно отталкивает (становится многим) и притягивает (возвращается к одному). И именно из этого единства рождается количество — потому что количество — это когда многое безразлично к своей

качественной определённости. Многое, где каждое одно — то же самое, и неважно, какое именно.

VII. Непрерывность и дискретность

Беркутов:
— И одно, и многое — это категории для выражения бесконечного. И здесь мы можем понять, почему существуют категории непрерывности и дискретности. Если берём одно, одно, одно... — это дискретность. Но поскольку одно от другого не отличается и не отделяется, это бесконечные одно, поэтому одно можно рассматривать как дискретное, а можно как непрерывное — постоянный переход одного в другое

без всякой границы. Отсюда переход к количеству.

Лавров:
— Всё точно. Дискретность — одно, взятое как множество раздельных. Со стороны отталкивания — каждое одно отдельно, их можно пересчитать. Непрерывность — то же одно, взятое как перелив без границы. Со стороны притяжения — одно перетекает в другое без границы, без заметного перехода.

Лавров:
— Но давай уточним: у Гегеля они не «два способа смотреть», а два момента одной категории. Дискретность без непрерывности — куча изолированных точек, не образующих количества. Непрерывность без дискретности — сплошная масса, которую нельзя

измерить. Количество — их единство: непрерывное, которое дискретно, и дискретное, которое непрерывно.

Беркутов:
— И именно здесь рождается количество. Когда качественная определённость становится безразличной.

Лавров:
— Да. Ключевой момент: качество исчезает. Не уничтожается — снимается. Каждое одно было качественно определённым — оно было «этим», отличным от иного. Но мы прошли через всё: границу, конечность, бесконечность — и выяснили, что одно неотличимо от другого одного. Нет критерия качественного различия. Когда качественная определённость

становится безразличной — когда безразлично, какое именно одно, потому что они все одно и то же — это и есть количество.

Беркутов:
— Количество можно считать — не потому что предметы одинаковые, а потому что их качественное различие снято.

Лавров:
— Именно. Это безразличие к качеству и делает возможным счёт и измерение.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КОЛИЧЕСТВО

VIII. Чистое количество

Беркутов:
— Количество — это тоже определённость, безразличная к изменениям. Количество меняется безотносительно к границе. Нет никакой границы для изменения количества. Может быть больше, может быть меньше. Это безразличная граница.

Лавров:
— Да. И это принципиальное отличие от качества. У качества изменение переходило границу и приводило к иному — к новому качеству. У количества изменение не меняет сущности: 5 кг или 6 кг — та же рама, то же качество. Граница здесь безразлична: можно прибавить, можно

убавить — нечто остаётся собой. Это и значит, что количество — определённость, безразличная к качеству.

Беркутов:
— Но подожди. Вот ты говоришь «безразлична» — а я возьму провод. Десять ампер по нему идёт — всё нормально. Двадцать — тоже. А сорок — изоляция поплыла. Значит, количество не безразлично?

Лавров:
— Отличный вопрос. И ответ в том, что «безразличие» — не абсолютное, а в определённых пределах. Безразличие количества к качеству — до определённой границы. А что происходит на границе — мы увидим в мере. Пока мы в чистом количестве —

мы рассматриваем изменения, которые не меняют качество. Твой провод держит 10 и 20 ампер — количество изменилось, качество то же. Но 40 ампер — это уже мера. До неё — количество. На ней — скачок. Об этом дальше.

Беркутов:
— Понял. Количество — это «пока качество держится».

Лавров:
— Совершенно верно. И здесь Гегель различает экстенсивное и интенсивное количество.

IX. Экстенсивное и интенсивное количество

Беркутов:
— Если берём многое как одно — тогда интенсивное количество, то есть в одном рассматриваются градусы. Если бесконечное множество одних, одно в другое переходит — тогда экстенсивное количество.

Лавров:
— Да. Экстенсивное (extensive Größe) — количество как множество одних: «одно, одно, одно...». Количество как протяжённость, состоящая из частей. Его можно разложить на единицы и пересчитать. Интенсивное (intensive Größe) — многое, взятое как одно: градус, уровень, степень. Количество как сосредоточенная в одном. Его нельзя разложить на части — но можно сравнить с другим.

Лавров:
— И они — не два разных вида количества, а два момента одного. Экстенсивное, взятое как единство, становится интенсивным. Интенсивное, развёрнутое во многое, становится экстенсивным. Градус температуры — интенсивная величина, но он «содержит» множество молекулярных движений — экстенсивное.

Беркутов:
— В математике мощность всей числовой оси такова же, как мощность отрезка [0,1]. И на этом отрезке разыгрываются все те же математические проблемы, которые можно рассматривать на большем отрезке или на всей числовой оси.

Лавров:
— Прекрасный пример. Он показывает именно безразличие количества к качеству: «больше» или «меньше» в смысле протяжённости — не имеет значения. Маленький отрезок и вся ось — одно и то же количество (мощность континуума). Граница протяжённости безразлична. Это и есть количество в его чистоте: безразличие к границе.

Беркутов:
— А ещё пример. Ток в проводе. Экстенсивно — это направленное движение множества электронов. Интенсивно — это ампер, сила тока. Одно и то же, но с двух сторон: как множество (экстенсивное) и как градус (интенсивное).

Лавров:

— Именно. И у Гегеля есть ещё один важный момент здесь: количественная бесконечность. Как и в случае с качеством, здесь есть своя «дурная» бесконечность — математически: бесконечное приближение к пределу, бесконечно малые, прогресс, который никогда не заканчивается. И своя «истинная» — когда бесконечное берётся как имманентное конечному количеству. Но это — более specialised topic, и он ведёт дальше, к мере.

X. Количественное отношение

Лавров:
— Между чистым количеством и мерой у Гегеля есть ещё один важный шаг: количественное отношение

(quantitatives Verhältnis). Количество, взятое само по себе, безразлично. Но когда количества соотносятся — когда одно количество определяет другое — возникает новое. Отношение — это когда количество перестаёт быть просто «безразличным» и начинает определяться через другое.

Беркутов:
— Прямая пропорция, обратная пропорция?

Лавров:
— Да, у Гегеля это развёрнуто. Прямое отношение ($y = kx$) — одно количество просто пропорционально другому. Обратное ($y = k/x$) — одно растёт, другое падает. Степенное ($y = x^2$) — отношение, где одно количество относится к другому через себя. И каждое из этих

отношений — шаг к тому, чтобы количество «приобрело» качественную определённость:
отношение — это зародыш меры, потому что в отношении количество уже не безразлично: оно определено через другое.

Беркутов:
— Закон Ома. U = IR. Напряжение определяется через ток и сопротивление. Это количественное отношение — но оно не безразличное. Изменишь R — изменится U. Количество связывается с качеством.

Лавров:
— Да. И именно через такое отношение количество «обрастает» качеством. Отношение — переходный мост между чистым количеством и мерой.

Беркутов:
— Но истинное возвращение качества
— это мера.

Лавров:
— Да. Мера — следующий и последний раздел учения о бытии.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. МЕРА

XI. Мера

Беркутов:
— Если мы пришли к определённости, которая безразлична к изменениям, то увидим, что в этом количестве есть

качество. Это количество определённого качества. В количестве скрыто, есть в снятом виде, качество. Если есть в снятом виде, то значит, оно себя проявит.

Лавров:
— Это ключевой ход. И он работает по гегелевскому правилу: ничто не исчезает, всё снимается. Качество не уничтожено переходом в количество — оно внутри, как снятый момент. А снятый момент не лежит мёртвым грузом — он должен проявиться. И он проявляется — через меру (Maß).

Лавров:
— Мера — это единство качества и количества. Определённое качество, связанное с определённой количественной областью. Внутри

меры количество безразлично к качеству: изменение идёт «незаметно». Но на границе меры — количественное изменение становится качественным.

Беркутов:
— Простой пример: вода остывает. Десять градусов, пять, один — всё ещё вода. Количество меняется, качество держится. Но в ноль — фазовый переход: вода становится льдом. Мера нарушена.

Лавров:
— Да. И это не просто «граница». Граница у качества была имманентной — она принадлежала нечто. Мера — связь качества и количества: это не граница вещи, а узел, где количественное изменение переходит в качественное. Мера — то, что делает

количество не безразличным к качеству: внутри меры — безразлично, на границе меры — решающе.

XII. Скачок

Беркутов:
— При некотором изменении количества мы обнаруживаем: при нагревании любого твёрдого тела, льда, например, твёрдое тело превращается в жидкость. Это называется скачок. Скачок — переход в другое качество. При изменении чего-то бесконечного происходят скачки.

Лавров:
— Да. И это не просто эмпирическое наблюдение. У Гегеля это логически

необходимо. Внутри меры количество безразлично к качеству — поэтому изменение постепенно и незаметно. Но на границе меры безразличие становится невозможным — количество достигает предела, за которым оно не может быть безразличным. Переход от «безразлично» к «небезразлично» — не может быть постепенным. Безразличие или есть, или его нет. Поэтому скачок — не плавный, а прерывный.

Беркутов:
— Постепенность количественного изменения и внезапность качественного скачка — не противоречат друг другу.

Лавров:
— Именно. Они — два момента одного

процесса: количество копится постепенно, качество меняется скачком. Это — то, что потом в марксизме назовут «законом перехода количественных изменений в качественные», но у Гегеля это не «закон природы», а логическая необходимость, вытекающая из самой структуры бытия.

XIII. Узловая линия мер

Беркутов:
— Получается узловая линия отношения меры, когда количественные изменения вдруг переходят,
всегда внезапно, скачком, в качественные изменения.

Лавров:
— Да. Узловая линия (Knotenlinie) — не одна мера, а последовательность: $мера_1$ → скачок → $мера_2$ → скачок → $мера_3$ → ... Каждая мера — своя количественная область, внутри которой изменение безразлично. На границе — скачок, и рождается новая мера с новым качеством и новой количественной областью.

Лавров:
— Лёд → вода → пар — классическая узловая линия. Каждый шаг — мера. Каждый переход — скачок. Линия в целом — развитие, в котором количественное накопление чередуется с качественными превращениями.

XIV. Безразмерность и переход к сущности

Беркутов:
— При изменении количества скачки идут. И что-то сохраняется в этом изменении. То, что сохраняется в переходе от одного качества к другому благодаря количественным изменениям, называется сущностью.

Лавров:
— Ты схватил суть. Но давай уточним переход — у Гегеля он идёт через один промежуточный момент: безразмерность (Maßlosigkeit).

Беркутов:
— Безразмерность — это когда мера перестаёт быть мерой?

Лавров:
— Да. В узловой линии каждая мера снимается следующей: лёд → вода → пар → ... В этом процессе мера как таковая становится безразличной: не конкретная мера, а сама смена мер становится содержанием. Это — безразмерность: состояние, где нет устойчивой меры, потому что все меры сняты.

Беркутов:
— Но безразмерность — не пустота?

Лавров:
— Не пустота. В ней что-то сохраняется: то, что проходило через все меры, через все скачки, оставаясь собой при смене качеств. Это «что-то» — и есть сущность (Wesen): то, что остаётся,

когда все конкретные качества и количества сняты.

Беркутов:
— Лёд, вода, пар — бытие. H_2O — сущность?

Лавров:
— В определённом смысле — да. H_2O не видна напрямую — она является через лёд, воду, пар. Лёд, вода, пар — явления сущности. Сущность — не за вещью, а в ней: она проявляется через свои явления. Это и есть рефлексия: сущность смотрит на себя через свои видимости.

Беркутов:
— И это — смена уровня всей логики.

Лавров:

— Принципиальная смена. В бытии всё было непосредственным: качество, количество, мера. В сущности всё становится опосредованным — отражением, рефлексией. Бытие уходит в себя и начинает смотреть на себя — это и есть сущность.

Беркутов:
— В бытии — переход: одно в другое. В сущности — рефлексия: возврат к себе через иное.

Лавров:
— Именно. Это другой ритм, другая структура. И это уже — начало второго тома «Науки логики».

Беркутов отложил мел. Доска была

покрыта схемами: стрелки, круги, переходы. Внизу — длинная цепочка:

Бытие → Ничто → Становление → Наличное бытие → Нечто и Иное → Граница → Конечность → Долженствование → Дурная бесконечность → Истинная бесконечность → Для-себя-бытие → Одно и Многое → Отталкивание и Притяжение → Количество → Экстенсивное/Интенсивное → Мера → Скачок → Узловая линия → Безразмерность → Сущность
— Весь первый том, — сказал Беркутов.
—От чистого бытия до сущности.

— Да, — сказал Лавров. — Но ты заметил, что это не набор категорий, а одна непрерывная цепь, где каждая выводится из предыдущей?

— Заметил. Нельзя вытащить ни одного звена.

— Верно. И каждое звено — не «определение», а момент движения. Гегель не описывает мир. Он воспроизводит движение мысли, которая и есть мир.

За окном погасли фонари. Начался дождь.

— Сущность — это уже другой разговор, — сказал Лавров.

— В следующий понедельник?

— В следующий понедельник.

ТОМ ВТОРОЙ. УЧЕНИЕ О СУЩНОСТИ

Ноябрьский вечер

Аудитория 312. Ноябрь. За окном — первый снег. На доске — следы прошлой беседы: длинная цепочка от бытия до сущности, кое-где стёртая тряпкой. Беркутов принёс две новых чашки чая.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СУЩНОСТЬ КАК

РЕФЛЕКСИЯ

I. Видимость

Беркутов:
— В прошлый раз мы остановились на сущности. Бытие прошло через меру, через скачки, через безразмерность — и осталось что-то, что сохраняется во всех изменениях. Это что-то — сущность. Но я не понимаю: сущность — это что? Вещь внутри вещи? Скрытый механизм?

Лавров:
— Нет. И это первое, что нужно отбросить. Сущность — не вещь, не субстанция, не «настоящая реальность за явлениями». Сущность — это бытие, которое ушло в себя. Бытие было непосредственным — просто «есть».

Сущность — это бытие, которое опосредовано: оно прошло через отрицание и вернулось к себе.

Беркутов:
— Тогда что такое видимость?

Лавров:
— Видимость (Schein) — это первое, с чего начинается учение о сущности. И это не «обман», не «иллюзия». Видимость — это бытие, которое уже не непосредственное, но ещё не определённое как явление. Оно — отблеск. Бытие ушло в себя, и то, что осталось на поверхности, — видимость. Не ложь, а неполнота: нечто, что указывает за себя.

Беркутов:
— Приведу пример. Тень от провода на

стене. Тень — не провод. Но тень — не «иллюзия» в бытовом смысле. Она реальна, она есть. Но её бытие — указывать на провод. Она — видимость провода.

Лавров:
— Хорошо. Но у Гегеля тоньше. Видимость — не тень от чего-то. Видимость — это то, что остаётся, когда сущность ушла в себя. Это бытие, лишённое самостоятельности, но не уничтоженное. Видимость — «отражение» бытия в сущности. Сущность смотрит на себя — и видит видимость. Не другой предмет, а себя, но как «не-себя».

Беркутов:
— То есть видимость — это не то, что обманывает, а то, что указывает?

Лавров:
— Да. И именно поэтому видимость — переход к рефлексии. Сущность обнаруживает, что у неё есть видимость — то есть нечто, что есть она и не она одновременно. И это обнаружение — рефлексия.

II. Рефлексия

Лавров:
— Рефлексия (Reflexion) — ключевое понятие второго тома. В бытии всё двигалось через переход: одно становилось другим. В сущности всё двигается через рефлексию: сущность возвращается к себе через иное. Не уходит в иное, а возвращается.

Беркутов:
— Рефлексия — это отражение?

Лавров:
— Не только. Отражение — в смысле зеркала. Рефлексия — в смысле возврата. Сущность отрицает себя, выходит в видимость — и через видимость возвращается к себе. Это круговое движение. Не «вперёд», как в бытии, а «назад-к-себе».

Беркутов:
— У Гегеля есть три вида рефлексии?

Лавров:
— Да. Полагающая рефлексия (setzende Reflexion): сущность полагает видимость — выносит себя наружу, как бы «создаёт» своё иное. Внешняя

рефлексия (äussere Reflexion): сущность смотрит на видимость как на нечто внешнее, обнаруживает себя в нём. Определяющая рефлексия (bestimmende Reflexion): сущность обнаруживает, что видимость — это она сама, и тем определяет себя через неё.

Беркутов:
— Не уверен, что понял разницу между ними. Можно на примере?

Лавров:
— Попробуй сам. Ты — электрик. Ты смотришь на схему щитка.

Беркутов:
— Хорошо. Полагающая рефлексия — я выношу схему из головы на бумагу. Я полагаю её. Внешняя — я смотрю на нарисованную схему как на нечто

отдельное от меня, анализирую её. Определяющая — я обнаруживаю, что схема — это моё собственное понимание щитка, и через неё я понимаю щиток лучше. Я вернулся к себе через схему.

Лавров:
— Да. И главное: схема — не «иллюзия» щитка. Она — видимость, через которую сущность щитка рефлектирует. Это и есть структура всего второго тома.

III. Тождество

Беркутов:
— После рефлексии — тождество. Сущность, которая вернулась к себе,

есть тождество. Она — то же, что и она сама. A = A.

Лавров:
— Да, но у Гегеля тождество не пустое. A = A — это не просто «всё равно». Тождество — это результат рефлексии: сущность прошла через отрицание, через видимость — и вернулась к себе. Поэтому тождество здесь — не исходная данность, а результат. И результат этот содержит внутри себя то, через что прошёл: различие.

Беркутов:
— Подожди. Тождество содержит различие? A = A содержит не-A?

Лавров:
— Именно. Потому что это тождество — не прямое, а рефлективное. Сущность

тождественна себе — но через то, что она отрицала себя и возвращалась. Отрицание — это различие. И оно — внутри тождества, как снятый момент. Тождество без различия — пустая абстракция. Настоящее тождество — тождество, которое прошло через различие.

IV. Различие

Беркутов:
— И тогда следующий шаг — различие. Если тождество содержит различие внутри, то различие становится самостоятельной категорией.

Лавров:
— Да. Различие (Unterschied) — это

отрицание тождества, взятое как самостоятельное. Тождество сказало: «я — то же». Различие говорит: «я — не то же». Но — и это важно — различие не стоит рядом с тождеством как другая вещь. Различие — момент тождества, который стал самостоятельным.

Беркутов:
— Провод и изоляция на нём. Они различны. Но их различие — внутри единого провода: один — проводник, другой — изолятор. Различие не внешнее, а имманентное.

Лавров:
— Верно. И Гегель различает два вида различия: различие как таковое (просто «не то же») и противоположность.

V. Противоположность

Беркутов:
— Противоположность — когд различие доходит до предела. Два момента, которые не просто различны, а исключают друг друга. Плюс и минус. Проводник и изолятор. Север и юг.

Лавров:
— Да. Противоположность (Gegensatz) — это различие, взятое в его остроте. Каждый из противоположных моментов определяется через отрицание другого. Плюс — не минус. Минус — не плюс. Но они — не два разных предмета, а два момента одного. Плюс и минус — полюса одного магнита. Проводник и изолятор —

моменты одного провода.

Беркутов:
— И если довести противоположность до конца — получается противоречие.

VI. Противоречие

Лавров:
— Противоречие (Widerspruch) — это кульминация учения о сущности в первой части. Противоположность была: два момента, которые исключают друг друга, но принадлежат одному. Противоречие — когда они не просто исключают, а каждый содержит другой внутри себя. Плюс содержит минус как своё отрицание. Минус содержит плюс.

Беркутов:
— Это самая трудная категория. Я долго с ней возился. Противоречие — не «ошибка в рассуждении», не «парадокс». Это — структура. Два определения, которые взаимно отрицают друг друга, но не могут существовать друг без друга.

Лавров:
— Именно. И у Гегеля противоречие — не остановка, а двигатель. Противоречие разрешается — и разрешение есть переход к новой категории. Противоречие «взрывается» — и из взрыва рождается основание.

Беркутов:
— Я бы сказал так. Противоречие — это напряжение в проводе. Ток идёт —

сопротивление мешает. Они противоречат друг другу. Но именно это противоречие — напряжение — и есть то, что движет ток. Без противоречия — нет движения.

Лавров:
— Прекрасно. И вот что важно: противоречие у Гегеля — не «поломка», не «сбой». Это — нормальное состояние развивающейся мысли. Любая категория, доведённая до конца, оказывается противоречивой. И именно поэтому она переходит в следующую.

VII. Основание

Беркутов:

— Противоречие разрешается в основание. Что такое основание?

Лавров:
— Основание (Grund) — это единство тождества и различия, разрешённое противоречие. Когда противоречие «взрывается», результат — основание: то, на чём стоит нечто. Основание — и причина, и оправдание. Почему нечто есть? Потому что у него есть основание.

Беркутов:
— Но «основание» — это не «причина»?

Лавров:
— Пока нет. Основание — логическое: «почему это так». Причина появится позже, в разделе о действительности. Основание — внутренний фундамент: то, что делает нечто возможным и

необходимым.

Беркутов:
— И от основания — к условию?

Лавров:
— Да. Основание само по себе — абстрактно. Чтобы основание стало конкретным, нужны условия (Bedingung). Условие — то, что должно быть налицо, чтобы основание реализовалось. Основание + условие = существование.

VIII. Существование

Беркутов:
— Существование (Existenz). Основание реализовалось в условиях — и нечто

существует.

Лавров:
— Да. И существование — уже не абстрактное бытие, а бытие, опосредованное основанием и условием. В бытии всё было непосредственным. В сущности — всё опосредовано. Существование — первое конкретное бытие сущности: сущность, которая вышла наружу и стала.

Беркутов:
— Но существование — ещё не явление?

Лавров:
— Нет. Существование — это «есть». Явление — это «как является». Существование — факт. Явление — способ, которым факт является.

Существование переходит в явление, потому что существующее обнаруживает, что оно есть не просто «есть», а есть «как».

═══════════════════════════════════════

═══════════════════════════════════════

═══════════════════

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЯВЛЕНИЕ

IX. Явление

Беркутов:
— Явление (Erscheinung). Существование стало явлением. В чём разница?

Лавров:
— Существование — нечто просто есть. Явление — нечто есть, и в этом «есть»

сущность проявляется. Явление — это существование, которое указывает на сущность. Не «отдельно сущность и отдельно явление», а: явление есть сущность, явленная. Сущность — не за явлением, а в нём.

Беркутов:
— Я хочу возразить. Вот я смотрю на провод. Провод — явление. А медь — сущность? Но медь — тоже явление. Я её вижу, трогаю. Где граница между явлением и сущностью?

Лавров:
— И ты прав, что возражаешь. У Гегеля нет двух миров — «мира явлений» и «мира сущностей». Есть один мир, но в двойном аспекте. Медь — и явление (она является), и сущность (она — основание свойств провода). Различие

явления и сущности — не пространственное, а логическое: одна и та же реальность, взятая с двух сторон.

Беркутов:
— Тогда явление — не «оболочка», а способ, которым сущность себя показывает?

Лавров:
— Именно. И поэтому явление — содержательно. Не «пустая видимость», а полная проявленность сущности. Сущность является — и в этом явлении она есть.

X. Закон

Беркутов:

— А закон? Закон — что-то вроде «устойчивого явления»?

Лавров:
— Почти. Закон (Gesetz) — это устойчивое отношение явлений. Не само явление как таковое, а связь между явлениями, которая держится. Закон — «спокойная» сторона изменчивого явления.

Беркутов:
— Закон Ома — закон. Он связывает три явления: напряжение, ток, сопротивление. Связь устойчива. Она держится, хотя конкретные значения меняются.

Лавров:
— Да. И у Гегеля закон — не «правило», наложенное на явления извне. Закон —

имманентен явлению: он — внутренняя связь, которая держит явления вместе. Но закон — не вся сущность. Он — одна из форм, в которых сущность является. Закон — «более спокойная» форма явления, но не последняя.

Беркутов:
— Потому что есть ещё целое и части?

Лавров:
— Да. Закон — связь. Но связь чего? — Целого. И целое состоит из частей.

XI. Целое и части

Беркутов:
— Целое и части. Это, кажется, проще всего. Целое — из частей. Части —

целого. Что тут диалектического?

Лавров:
— А вот что. Целое — не «сумма частей». Целое — раньше частей. Без целого нет частей: рука, отделённая от тела, — не часть, а кусок. Часть — часть только в целом. Но и целое — не целое без частей: целое состоит из частей. Они — друг через друга.

Беркутов:
— Возьму щиток. Он — целое. Автоматы, шины, DIN-рейки — части. Но DIN-рейка без щитка — не «часть щитка», а просто металлический профиль. Она становится частью только в целом. А щиток без DIN-реек — не щиток, а ящик. Целое и части — взаимно.

Лавров:
— Именно. И их отношение — рефлективное: целое «отражается» в частях (каждая часть — момент целого), части «отражаются» в целом (целое — их единство). Это не «один сверху, другие снизу», а круговое отношение.

XII. Сила и выражение

Беркутов:
— Сила и выражение. Это — тоже форма отношения внутри явления?

Лавров:
— Да. Сила (Kraft) — внутреннее. Выражение (Äußerung) — внешнее. Сила — то, что «может». Выражение — то, что

сила «делает». Но у Гегеля они не разделены: сила есть только как выраженная. Нет «спящей силы», которая «может, но не выражается». Сила — в выражении. Выражение — силы.

Беркутов:
— Электродвижущая сила. Она — не «скрытая возможность». Она — в том, что она делает: в токе. ЭДС без тока — не ЭДС, а абстракция. Она есть только выраженная — в движении зарядов.

Лавров:
— Точно. И это — шаг к внутренней связи внутреннего и внешнего: сила и выражение — не два, а одно, взятое с двух сторон.

XIII. Внутреннее и внешнее

Беркутов:
— Внутреннее и внешнее. Похоже на силу и выражение.

Лавров:
— Похоже, но это — более широкая категория. Внутреннее (Inneres) — сущность, взятая как «то, что внутри». Внешнее (Äußeres) — явление, взятое как «то, что снаружи». Но у Гегеля внутреннее и внешнее — не две разные области. Внутреннее есть только внешне. Внешнее есть только внутренне. Сущность — не «за» явлением, а в нём. Явление — не «оболочка» сущности, а её проявление.

Беркутов:

— Тогда что отличает внутреннее от внешнего?

Лавров:
— Не содержание, а момент.
Внутреннее — сущность, рассматриваемая как основание.
Внешнее — то же основание, рассматриваемое как явленное.
Различие — в точке рассмотрения, не в реальности. И именно поэтому внутреннее и внешнее переходят друг в друга. Это — вершина раздела о явлении. И переход к действительности.

Беркутов:
— Подожди. Я хочу понять. Если внутреннее и внешнее — одно и то же, зачем их различать? Не проще ли сказать: есть одно, и всё?

Лавров:
— Можно. Но тогда ты теряешь структуру. Различие внутреннего и внешнего — не онтологическое (две разные вещи), а логическое (одна вещь в двух моментах). Зачем различать? — Чтобы увидеть, что сущность является, а явление существенно. Без этого различия — нет движения мысли. Сущность стала бы мёртвой «вещью-в-себе», а явление — пустой видимостью. Различие — держит их живыми.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

XIV. Действительность

Беркутов:
— Действительность (Wirklichkeit). Чем она отличается от существования? Существующее — есть. Действительное — тоже есть. В чём разница?

Лавров:
— Действительность — это существование, которое не просто есть, а необходимо. Действительность — единство внутреннего и внешнего, доведённое до конкретности. Существование могло быть случайным — просто оказалось. Действительность — необходимо: оно есть, потому что его основание требует, чтобы оно было.

Беркутов:
— Не согласен. По-моему, действительное — это просто то, что фактически есть. Не «необходимо», а

«налицо». Щиток, который я собрал, — действителен, независимо от того, был ли он необходим.

Лавров:
— Ты говоришь как практик, и в этом есть своя правда. Но Гегель различает действительность и фактичность. Фактичность — «просто есть». Действительность — «есть, и не могло не быть, потому что его основание этого требовало». Щиток, который ты собрал по проекту, с расчётом нагрузок, с выбранными автоматами — он действителен, потому что каждый элемент обоснован. А щиток, собранный кое-как, «чтобы работало» — он фактичен, но не действителен в гегелевском смысле. Его бытие не вытекает из основания.

Беркутов:
— Хорошо, принимаю. Но тогда Гегель стирает границу между «есть» и «должно быть»?

Лавров:
— Не стирает, а превращает в момент. Действительность — это «должное», которое стало «сущим». И «сущее», которое оправдано своим основанием. Гегель не говорит: «действительное разумно, разумное действительно» — это формула из «Философии права», и там она имеет политический смысл. В логике — проще: действительное — то, чьё бытие обосновано.

XV. Возможность, действительность, необходимость

Беркутов:
— Эти три всегда идут вместе. Возможность — то, что может быть. Действительность — то, что есть. Необходимость — то, что не может не быть.

Лавров:
— Да. Но у Гегеля они — не три отдельных модальности, а три момента одного движения. Возможность — внутреннее, ещё не реализованное. Действительность — реализованное. Необходимость — единство: возможность, которая реализовалась, и реализация, которая была возможна.

Беркутов:
— И между ними — случайность?

Лавров:
— Да. Случайность — оборотная сторона необходимости. Случайное — то, что могло быть и не быть. Но случайность — не «беспричинность». Случайное имеет причину, но причина — внешняя. Необходимое имеет причину — внутреннюю. Случайность — когда основание не совпадает с условием. Необходимость — когда основание и условие — одно.

Беркутов:
— Тут я хочу разобраться на примере. Короткое замыкание в проводе. Случайность или необходимость?

Лавров:
— Смотря как рассматривать. Со стороны внешних условий — случайность: вода попала на клемму,

изоляция перетёрлась, кто-то дёрнул провод. Каждое из этих условий — внешнее, случайное. Но если ты знаешь, что изоляция была изношена, что ток был близок к пределу, что влажность высокая — тогда замыкание — необходимость. Не «неизбежность», а «при данных условиях — не могло не произойти». Случайность и необходимость — не противоположности, а два способа смотреть на одно и то же событие.

Беркутов:
— То есть случайность — это необходимость, рассматриваемая снаружи, без знания внутренних условий?

Лавров:
— Почти. Точнее: случайность —

необходимость, у которой основание и условие разделены. Необходимость — когда они соединены. Реальная необходимость — когда основание реализуется через условие, и условие становится моментом основания. Это — конкретная необходимость. И она ведёт к субстанции.

XVI. Субстанция

Беркутов:
— Субстанция (Substanz). После необходимости — субстанция. Почему?

Лавров:
— Потому что необходимость, доведённая до конца, оказывается субстанцией. Субстанция — это

необходимость, которая стала самостоятельной. Не «нечто необходимо», а «само необходимое» — то, что несёт в себе своё основание и своё условие. Субстанция — «подлежащее» всего, субстрат, который держит сам себя.

Беркутов:
— Это же аристотелевское понятие?

Лавров:
— Да, но у Гегеля оно диалектическое. Субстанция — не просто «то, что держится подо всем». Субстанция — то, что производит свои собственные определения. Она — активна. Субстанция проявляется через свои акциденции — случайные определения, которые сменяют друг друга, но сама остаётся. Медь — субстанция;

твёрдость, цвет, проводимость — акциденции.

Беркутов:
— Но тогда проводимость меди — случайна? Она ведь не случайна, она — свойство меди.

Лавров:
— В гегелевском смысле — акциденция. Акциденция — не «случайность» в бытовом смысле, а «определение, которое может меняться, не меняя субстанции». Медь остаётся медью и твёрдой, и мягкой (при нагреве), и в виде проволоки, и в виде пластины. Акциденции меняются — субстанция держится.

XVII. Причинность

Беркутов:
— Причинность (Kausalität). Субстанция производит акциденции — и это уже похоже на причину.

Лавров:
— Да. Субстанция, взятая как производящая, становится причиной. Причина (Ursache) — субстанция, которая действует на другую субстанцию и производит в ней изменение (действие, Wirkung). Причина → действие. Это — причинность.

Беркутов:
— Перегрузка по току → перегрев провода → плавление изоляции. Цепь причин.

Лавров:
— Да. Но у Гегеля причинность — не просто «одно за другим». Причина и действие — связаны: причина есть причина только в действии. Без действия — нет причины. И действие — только от причины. Они — друг через друга, как всё в сущности.

Беркутов:
— Но есть проблема. Причина → действие. А действие может быть причиной нового действия. Перегрев → плавление → короткое замыкание → пожар. Это — цепь причин и действий. Бесконечная?

Лавров:
— Да. И Гегель это видит. Цепь причин и действий — бесконечна, как дурная

бесконечность в бытии. Но здесь — она разрешается иначе. Цепь причин и действий переходит во взаимодействие.

XVIII. Взаимодействие

Беркутов:
— Взаимодействие (Wechselwirkung). A действует на B, B действует на A. Круг.

Лавров:
— Да. Но не пустой круг. Во взаимодействии причина и действие меняются местами. A — причина, B — действие. Но B — реагирует и становится причиной, а A — действием. И в этом обмене — каждый становится через другого. Взаимодействие — это

причинность, доведённая до того, что обе стороны — и причины, и действия.

Беркутов:
— Нагрев провода → рост сопротивления → ещё больший нагрев. Взаимодействие: нагрев вызывает рост сопротивления, рост сопротивления вызывает нагрев. Круг. И круг опасный — пока не сгорит.

Лавров:
— Именно. И взаимодействие — последняя категория учения о сущности. Потому что во взаимодействии сущность доходит до того, что обе стороны — и причина, и действие, и внутреннее, и внешнее, и основание, и обоснованное — становятся моментами одного целого. А целое, которое содержит все свои

моменты как собственные определения, — это уже не сущность, а понятие.

XIX. Переход к понятию

Беркутов:
— Итак, сущность прошла через видимость, рефлексию, тождество, различие, противоположность, противоречие, основание, условие, существование, явление, закон, целое и части, силу и выражение, внутреннее и внешнее, действительность, возможность, необходимость, случайность, субстанцию, причинность, взаимодействие. И из взаимодействия — переход к понятию. Почему?

Лавров:
— Потому что во взаимодействии сущность дошла до предела. В бытии — непосредственность перешла в опосредование. В сущности — опосредование возвращается к непосредственности. Взаимодействие — точка, где опосредование и непосредственность совпадают: каждая сторона — и опосредует другую, и непосредственна. А это — уже структура понятия.

Беркутов:
— Понятие — это что?

Лавров:
— Понятие (Begriff) — это единство бытия и сущности. Бытие было непосредственным. Сущность была опосредованной. Понятие — и

непосредственное, и опосредованное. Оно — то, что развивается из себя. В бытии — переход. В сущности — рефлексия. В понятии — развитие.

Беркутов:
— В бытии — «одно становится другим». В сущности — «одно возвращается к себе через другое». В понятии — «одно развивается из себя»?

Лавров:
— Именно. Три ритма, три способа движения мысли. И понятие — последний, самый конкретный. Но это — уже третий том. На сегодня — хватит.

Беркутов протёр доску. Внизу — новая цепочка:

Видимость → Рефлексия (полагающая / внешняя / определяющая) → Тождество → Различие → Противоположность → Противоречие → Основание → Условие → Существование → Явление → Закон → Целое и Части → Сила и Выражение → Внутреннее и Внешнее → Действительность → Возможность / Необходимость / Случайность → Субстанция → Причинность → Взаимодействие → Понятие

— Второй том, — сказал Беркутов. — От видимости до понятия.

— Да, — сказал Лавров. — И ты заметил? Ритм другой. В бытии — линейно. Здесь — кругами. Каждая категория возвращается к предыдущей, отражается в ней.

— Заметил. Тождество возвращает к различию, различие — к тождеству. Всё — через другое. Как в зеркалах.

— В зеркалах — хорошо. Но не забывай: в зеркалах отражение — пустое. У Гегеля — отражение содержательно. Каждая категория — отражает другую, но и определяет себя через неё.

За окном снег повалил гуще. Фонари желтели в белой мгле.

— Понятие — это уже другой разговор, — сказал Лавров.

— В следующий понедельник?

— В следующий понедельник.

ТОМ ТРЕТИЙ. УЧЕНИЕ О ПОНЯТИИ

Декабрьский вечер

Аудитория 312. Декабрь. За окном — тьма и редкий снег. Отопление работает на полную. Чашки чая уже третья пара. На доске — две цепочки: бытие и сущность, одна под другой, соединённые стрелкой. Беркутов пришёл на десять минут раньше и уже

написал наверху: «ПОНЯТИЕ».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СУБЪЕКТИВНОЕ ПОНЯТИЕ

I. Понятие

Беркутов:
— Вот что я не понимаю. Мы шли от бытия к сущности. Бытие — непосредственное. Сущность — опосредованное. Понятие — единство того и другого. Но что это значит конкретно? Что такое понятие — в смысле Гегеля? Это ведь не просто «мысль в голове»?

Лавров:
— Нет, не просто. Понятие (Begriff) у Гегеля — это не психический акт и не «общее представление». Понятие — это

структура реальности, которая умеет развиваться из себя. Бытие просто «есть». Сущность «отражается». Понятие — «развивается». Оно содержит в себе свои определения и разворачивает их из себя.

Беркутов:
— Тогда понятие — это как зародыш, который разворачивается?

Лавров:
— Близко, но не совсем. Зародыш разворачивается во что-то, что заложено. Понятие разворачивается в то, что оно есть. Оно не «становится» чем-то другим — оно становится собой. В этом — коренное отличие от бытия, где одно становилось другим. Здесь — одно становится собой.

Беркутов:
— Стоп. Я хочу проверить на проводе. Вот провод. Он «есть» — это бытие. Он «медь» — это сущность. А что у него «понятие»?

Лавров:
— Назначение. Провод — это то, что проводит ток. Не «медь», не «форма», а — проводимость. Провод без тока — не провод, а кусок металла. Понятие провода — в том, что он делает. И это «делать» — не внешнее. Оно — внутри. Медь «умеет» проводить. Это её понятие.

Беркутов:
— Тогда понятие — это не «что», а «для чего»?

Лавров:

— И «что», и «для чего» — вместе. Понятие — единство. Медь (что) и проводимость (для чего) — одно. Не два. Понятие — это целое, которое содержит и «что», и «для чего».

Беркутов:
— Хорошо. Тогда у понятия три момента?

Лавров:
— Да. Всеобщее (Allgemeines), особенное (Besonderes), единичное (Einzelnes). Это — не три «части» понятия, а три момента, которые друг через друга проходят.

II. Всеобщее, особенное, единичное

Беркутов:
— Всеобщее — это что? «Общее»?

«Абстрактное»?

Лавров:
— Не «абстрактное». Всеобщее — это то, что проходит через все единичные, не теряясь, а именно как всеобщее. Всеобщее — не «общий признак», а живое единство, которое проявляется в каждом единичном.

Беркутов:
— На проводе. Электричество — всеобщее?

Лавров:
— Да. Электричество есть и в молнии, и в батарейке, и в проводе. Но оно не «признак, общий для них». Оно — то, что делает их электрическими, — живое единство, которое проявляется в каждом.

Беркутов:
— Тогда особенное — это спецификация всеобщего? Электричество в проводе, электричество в батарейке?

Лавров:
— Да. Особенное — всеобщее, конкретизированное. Не «другое», а всеобщее, взятое в определённости. Электричество в проводе — особенное: оно — то же электричество, но в конкретной форме.

Беркутов:
— А единичное?

Лавров:
— Единичное — особенное, доведённое до конкретности. Не «пример», а полное, конкретное воплощение. Вот

этот провод, под этим напряжением, с этим током — единичное. Оно — всеобщее (электричество), особенное (в проводе), единичное (этот провод). Все три момента — в одном.

Беркутов:
— И все три — не separate, а одно через другое?

Лавров:
— Именно. Всеобщее — в особенном. Особенное — в единичном. Единичное — во всеобщем. Это — не три ступеньки, а три момента одной структуры. И потому что они — друг через друга, понятие — живое. Мёртвая абстракция — это всеобщее без единичного. Мёртвый факт — единичное без всеобщего. Понятие — живое, потому что содержит все три.

Беркутов:
— Тогда вот вопрос. Если я смотрю на провод и вижу медь, форму, назначение — я вижу понятие?

Лавров:
— Ты видишь моменты понятия. Но понятие — не сумма моментов. Понятие — их движение. Медь «становится» проводом, когда через неё идёт ток. Форма «становится» проводом, когда она — форма для тока. Назначение «становится» проводом, когда оно реализуется. Понятие — не «есть», а — «делается». В этом — жизнь понятия.

Беркутов:
— Тогда суждение — это следующий шаг?

III. Суждение

Лавров:
— Да. Суждение (Urteil) — это понятие, которое расщепилось и соединилось. Понятие было единством всеобщего, особенного и единичного. В суждении — они расщепляются на стороны, и потом соединяются. «Медь — проводник». «Медь» — единичное. «Проводник» — всеобщее. Суждение связывает их.

Беркутов:
— Но ведь «медь — проводник» — это обыденное предложение. Что тут философского?

Лавров:
— Философское — в том, что суждение не «описывает» связь. Суждение — устанавливает её. Медь — единичное.

«Проводник» — всеобщее. В суждении единичное определяется через всеобщее. Медь оказывается проводником — то есть всеобщее («проводимость») полагается в единичном («медь»). Суждение — момент развития понятия: понятие определяет себя через суждение.

Беркутов:
— И у Гегеля четыре вида суждения?

Лавров:
— Да. Четыре вида, каждый — шаг в конкретности.
Суждение наличного бытия (Urteil des Daseins): «роза красна». Единичное связывается с качеством. Простое, непосредственное суждение. «Этот провод — медный». Единичное — качество.

Беркутов:
— Это самое простое. Просто «это — такое».

Лавров:
— Да. Но уже здесь — диалектика: «роза красна» — но красной бывает и гвоздика. Качество не принадлежит только розе. Суждение наличного бытия — отрицательное и утвердительное: роза — красна (утверждение), роза — не всё красное (отрицание).

Беркутов:
— И когда это противоречие разворачивается — переходим к суждению рефлексии?

Лавров:

— Да. Суждение рефлексии (Urteil der Reflexion): «люди смертны». Здесь — не единичное с качеством, а всеобщее через единичное. «Люди» — не один, а все. «Смертны» — не качество одного, а определение всеобщего через сумму единичных. «Все провода имеют сопротивление» — суждение рефлексии. Сопротивление — не у «этого» провода, а у всех. Всеобщее — через единичное.

Беркутов:
— А чем отличается суждение необходимости?

Лавров:
— Суждение необходимости (Urteil der Notwendigkeit): «роза — растение». Здесь — единичное и всеобщее — связаны по существу. Не «роза красна» (случайное качество) и не «розы имеют

лепестки» (общий признак), а «роза — растение» — родовая необходимость. Розе необходимо быть растением. Это — её сущность. «Медь — металл». Не «медь имеет свойства металла», а «медь есть металл» — родовая связь.

Беркутов:
— И последнее?

Лавров:
— Суждение понятия (Urteil des Begriffs): «это действие — хорошо». Здесь — единичное оценивается через всеобщее. Не «что есть» (наличное бытие), не «что у всех есть» (рефлексия), не «к чему необходимо принадлежит» (необходимость), а «что соответствует понятию». «Этот провод — годен». «Годен» — значит: соответствует понятию провода.

Суждение понятия — оценочное, но оценка — не субъективная. «Годен» — значит: соответствует тому, что провод должен быть. Понятие судит себя.

Беркутов:
— Четыре суждения — четыре шага. «Это — такое». «У всех — это есть». «Это — есть то». «Это — соответствует тому, чем должно быть».

Лавров:
— Точно. И каждый следующий — конкретнее предыдущего. Суждение наличного бытия — простое. Рефлексии — обобщающее. Необходимости — родовое. Понятия — оценочное. Последнее — вершина, потому что в нём понятие судит себя: не просто связывает, а оценивает соответствие себе.

IV. Умозаключение

Беркутов:
— Умозаключение (Schluss). Суждение связывало два. Умозаключение связывает три?

Лавров:
— Да. Умозаключение — это суждение, опосредованное средним термином. В суждении: А — В. В умозаключении: А — В через С. Средний термин (С) — основание связи.

Беркутов:
— Классический силлогизм. «Все металлы — проводники. Медь — металл. Значит, медь — проводник». Три термина: медь, металл, проводник.

Лавров:
— Да. Но у Гегеля — это не формальная схема. Умозаключение — развитие понятия. Понятие прошло через суждение (расщепилось), и теперь — через умозаключение — соединяется обратно, но опосредованно.

Беркутов:
— И три вида, как у суждения?

Лавров:
— Да. Умозаключение наличного бытия (Schluss des Daseins): средний термин — единичное. «Этот провод — медный. Медь — проводник. Этот провод — проводник.» Опосредование через единичное. Но это — шатко: один пример не доказывает всеобщего.

Беркутов:

— Не надёжно. Один провод — медный, значит все провода — проводники? Нет.

Лавров:
— Верно. Поэтому — переход к умозаключению рефлексии (Schluss der Reflexion): средний термин — не единичное, а всеобщее через индукцию. «Медь — проводник. Алюминий — проводник. Золото — проводник. Все металлы — проводники.» Опосредование через совокупность. Надёжнее, но — тоже не окончательно: всегда есть «ещё не проверенный» металл.

Беркутов:
— Дурная бесконечность снова?

Лавров:
— Да. Индукция — дурная

бесконечность: всегда «ещё один». Поэтому — переход к умозаключению необходимости (Schluss der Notwendigkeit): средний термин — род. «Все металлы — проводники. Медь — металл. Медь — проводник.» Здесь — не индукция, а родовая необходимость. Медь — проводник не потому, что мы проверили все металлы, а потому, что медь — металл, а металлы — проводники по роду.

Беркутов:
— И это — уже не «шатко»?

Лавров:
— Это — обосновано. Средний термин — не «пример»и не «сумма», а род — всеобщее, которое делает связь необходимой. И именно здесь умозаключение становится

объективным: то, что в голове было связью терминов, становится связью в реальности. Умозаключение необходимости — переход к объективности.

Беркутов:
— Подожди. Ты говоришь — «становится объективным». В голове — силлогизм, а в реальности — что? Как силлогизм «выходит» из головы?

Лавров:
— У Гегеля — он не «выходит». Он и не был «в голове». Понятие — не психическое. Умозаключение — не операция ума, а структура реальности. Когда медь проводит ток по необходимости рода — это и есть умозаключение необходимости, «работающее» в меди. Гегель не

проводит границу между «логикой в голове» и «логикой в мире». Логика — одна. И поэтому умозаключение необходимости — переход к объективности — это не «мысль становится реальностью», а «реальность обнаруживает свою логическую структуру».

Беркутов:
— Не уверен, что принимаю. Это — идеализм в чистом виде: логика — не в голове, а в мире. Я, как онтолог, возражу: мир не «логичен». Мир — есть. Логика — способ описания мира.

Лавров:
— И это — серьёзное возражение. Гегель бы ответил: логика не «описывает» мир, логика — есть структура мира. Но ты прав, что это —

позиция, которую можно оспорить. Мы вернёмся к этому.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ОБЪЕКТИВНОСТЬ

V. Механизм

Беркутов:
— Объективность. Понятие стало объективным. И первый вид объективности — механизм. Что значит «механизм» у Гегеля?

Лавров:
— Механизм (Mechanismus) — объективность, в которой части — внешни друг другу. Каждый элемент — сам по себе, и связь — внешняя. Часы — классический пример: шестерёнки, пружина, стрелки. Каждый элемент — отдельный. Связь — механическая:

один толкает другой. Нет внутреннего единства — есть внешнее сочленение.

Беркутов:
— Электрический щиток — механизм? Автоматы на DIN-рейке, шины соединяют, провода идут. Каждый элемент — отдельный. Связь — внешняя: один питает другой.

Лавров:
— Да. И у Гегеля механизм — не «плохо», а определённый уровень. На этом уровне — части не знают друг о друге. Каждый — самостоятельный, связь — функциональная, не внутренняя. Механизм работает — но не «понимает» себя.

Беркутов:
— В чём ограниченность механизма?

Лавров:
— В том, что целое — не имманентно частям. Если убрать одну шестерёнку — остальные не «почувствуют» потерю как потерю себя. Они просто перестанут работать. Механизм — внешнее единство. Его предел — в том, что единство — не внутреннее, а наложенное. И этот предел ведёт к химизму.

VI. Химизм

Беркутов:
— Химизм (Chemismus). Чем он отличается от механизма?

Лавров:
— В химизме части — не внешни друг другу. Они соединяются — и соединение

производит нечто новое, чего не было в частях. Водород и кислород — газы. Соединяются — вода. Вода — не «механическая смесь» водорода и кислорода. Она — новое качество, рождённое из их внутреннего сродства.

Беркутов:
— То есть химизм — когда части не просто сочленяются, а внутренне соединяются?

Лавров:
— Да. И в этом — шаг вперёд от механизма. В механизме — целое = сумма частей. В химизме — целое ≠ сумма частей. Целое — больше, чем части, потому что соединение производит новое. Но — и это важно — в химизме сродство — данность. Водород и кислород «склонны»

соединяться. Почему — химизм не объясняет. Сродство — внешнее условие. И это — предел химизма.

Беркутов:
— Батарейка. Анод, катод, электролит. Они не просто «механически» сочленены. Между ними — химическая реакция, которая производит ток. Ток — не «часть» батарейки. Он — продукт их внутреннего взаимодействия. Химизм.

Лавров:
— Точно. И предел химизма — в том, что «склонность реагировать» — не объясняется из самих реагентов. Нужна цель — и это ведёт к телеологии.

VII. Телеология

Беркутов:

— Телеология (Teleologie). Целевая causa. Цель. Я, честно, не понимаю. Это же возврат к Аристотелю? Целевая причина? Но наука давно отказалась от целей в природе.

Лавров:
— Да, но у Гегеля — диалектически. Цель — не «задумана кем-то». Цель — имманентна процессу. Семя растёт в дерево — не потому, что «кто-то задумал дерево», а потому, что в семени — понятие дерева, и оно разворачивается. Цель — внутренняя. Понятие — цель, которая работает в реальности.

Беркутов:
— Здесь я хочу спорить. Вот ты говоришь — «цель имманентна». Но в механизме и химизме — тоже была

имманентность: механизм работал по своим законам, химизм — по сродству. В чём принципиальная разница?

Лавров:
— Разница — в отношении к целому. В механизме целое — после частей. В химизме — целое — в соединении. В телеологии — целое — до частей. Цель — «идея», которая определяет процесс изнутри. Семя — цель, которая работает в процессе роста. Не «снаружи», а изнутри — как понятие.

Беркутов:
— И телеология — вершина объективности?

Лавров:
— Да. Потому что в телеологии объективность доходит до того, что

цель — идея — становится имманентной реальности. И это — переход к идее.

Беркутов:
— Подожди. Ты сказал «цель — идея». Но если цель — идея, и идея определяет реальность изнутри — то мы уже в идеализме? Не как позиции, а как структуре?

Лавров:
— Да. И это — ключевой момент. Телеология — точка, где «объективное» и «субъективное» совпадают. Цель — субъективна (она — понятие, идея). Но она — объективна (она работает в реальности, определяет процесс). Телеология — мост между объективностью и идеей.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ИДЕЯ

VIII. Идея

Беркутов:
— Идея (Idee). Мы наконец добрались. Что такое идея у Гегеля? Только не говори «идея — это мысль». Я это уже слышал.

Лавров:
— Идея — это понятие, которое стало действительным. Не «мысль об идее», а — единство понятия и объективности. Понятие было субъективным (в голове, в структуре). Объективность была — вне понятия (механизм, химизм, телеология). Идея — их единство: понятие, которое реализовано, и объективность, которая понятийна.

Беркутов:
— Идея — это не «идеальная сущность», не «мысль»?

Лавров:
— Нет. Идея — это полнота. Понятие, которое вышло из себя, стало объективным, и вернулось к себе — обогащённое объективностью. Это — тот же круг, что и в сущности, но на новом уровне.

Беркутов:
— И у идеи три момента?

Лавров:
— Да. Жизнь (Leben), познание (Erkennen), абсолютная идея (absolute Idee).

IX. Жизнь

Беркутов:
— Жизнь — первый момент идеи. Почему?

Лавров:
— Потому что жизнь — это идея в её непосредственности. Живое существо — понятие, которое реализовано. Семя — понятие растения, реализованное в материале. Живое — идея, которая «работает»: она — и понятие (цель, структура), и объективность (тело, материя). Живое — единство понятия и реальности — в его простейшем, непосредственном виде.

Беркутов:
— Живое отличается от механизма и химизма — тем, что оно — цель в себе?

Лавров:
— Да. Живое — само себе цель. Оно поддерживает себя, воспроизводит себя. Не «служит» чему-то внешнему, а — есть для себя. Это — идея, которая «знает» себя — не сознательно, а структурно.

Беркутов:
— Но жизнь — не конец. Живое умирает.

Лавров:
— Да. Жизнь — непосредственная идея. Её предел — в том, что единство понятия и реальности — ещё не осознано. Живое — есть идея, но не знает, что оно — идея. Поэтому — переход к познанию.

X. Познание

Беркутов:
— Познание (Erkennen). Жизнь была непосредственной идеей. Познание — опосредованной?

Лавров:
— Да. В познании идея «узнаёт» себя. Не просто живёт, а — знает, что живёт. Познание — идея, которая разделяется на субъект и объект, и через это разделение — возвращается к себе. Субъект познаёт объект — и обнаруживает в нём себя. «Предмет — это я», как скажет Гегель в «Феноменологии».

Беркутов:
— Наука — познание? Физика, электрика — познание?

Лавров:

— Да. Но у Гегеля познание — не «сбор информации». Познание — идея которая через выход в иное (объект) возвращается к себе (субъект), обогащённая. Познание — круг: субъект → объект → субъект. И в этом круге — субъект обнаруживает, что объект — не «другое», а — момент самого себя.

Беркутов:
— Я хочу возразить. Когда я изучаю электромагнитную индукцию, я не «обнаруживаю себя» в ней. Я обнаруживаю закон. Закон — не «я». Он — объективен.

Лавров:
— В гегелевском смысле — закон — момент понятия. Понятие — не «в твоей голове», а — структура реальности. Когда ты познал закон индукции — ты

познал момент понятия, которое есть и в тебе (как познающем), и в индукции (как структуре). Поэтому — «объект — момент субъекта» — не в психологическом, а в логическом смысле.

Беркутов:
— Это — идеализм. Чистый. Я — электрик, и я скажу: индукция — не «момент меня». Индукция — физический процесс. Он был до меня и будет после. Называть его «моментом субъекта» — значит растворять физику в логике.

Лавров:
— И Гегель бы ответил: не растворять, а — понимать. Физический процесс — реален. Но его «понятность» — логична. Индукция — не «иррациональный хаос»,

а — закономерная структура. Эта структура — и есть момент понятия. Не «в твоей голове», а — в реальности. Но это — позиция, которую можно не принимать. Ты — не обязан.

Беркутов:
— Я и не принимаю. Но продолжаю читать. Потому что даже если я не принимаю идеализм, диалектика работает.

XI. Абсолютная идея

Беркутов:
— Абсолютная идея (absolute Idee). Вершина. Конец «Науки логики». Что это? И — главное — это конец? Или — снова двоеточие?

Лавров:

— Абсолютная идея — это идея, которая знает себя как идею. Не просто «живёт» (жизнь) и не просто «познаёт» (познание), а — знает, что она есть идея, и что всё — моменты её развития. Абсолютная идея — понятие, которое прошло через все определения и вернулось к себе. Круг замкнут.

Беркутов:
— И она — метод?

Лавров:
— Да. Абсолютная идея — это не «содержание», а — метод. Не «что», а «как». Метод развития понятия — диалектика — и есть абсолютная идея. Идея — не «результат», а — само движение. Начало и конец совпадают: мы начали с чистого бытия — и пришли к абсолютной идее, которая есть метод

прохождения от бытия к идее. Круг.

Беркутов:
— Круг. Бытие → ... → абсолютная идея → бытие.

Лавров:
— Да. Абсолютная идея «отпускает себя» — и становится природой. После логики — философия природы. Идея выходит из себя, становится инобытием — природой. А потом — философия духа: дух возвращается к идее через природу. Большой круг: идея → природа → дух → идея.

Беркутов:
— Подожди. «Идея отпускает себя». Что это значит? Идея — что, «решает» стать природой?

Лавров:
— Не «решает». Идея — не субъект с волей. «Отпускает себя» — логический момент: идея, которая была в себе (в логике), выходит из себя (в природу). Не «создаёт» природу, а — становится ею. Природа — инобытие идеи. Не «вещь, сделанная идеей», а — идея в форме инобытия.

Беркутов:
— Вот здесь — корень всего. Идея «становится» природой. Природа — «инобытие» идеи. Это — теология, а не логика.

Лавров:
— ...

КРИТИКА. РАЗГОВОР О СТРУКТУРЕ

Беркутов:
— Стоп. Давай остановимся. Я хочу поговорить не о содержании, а о структуре. О том, как Гегель построил весь этот путь.

Лавров:
— Слушаю.

Беркутов:
— Вот ты рассказал: механизм, потом химизм, потом телеология. Почему в этом порядке? Почему не наоборот? Почему не телеология — сначала? Ведь если цель — высшая форма, может, нужно начинать с неё?

Лавров:
— У Гегеля — от простого к сложному. Механизм — простейшее: части внешни. Химизм — сложнее: части внутренне

соединены. Телеология — сложнейшая: целое определяет части. Это — восхождение. Если начать с телеологии — нужно будет «объяснить» её через более простое, а это — другой метод.

Беркутов:
— Но кто сказал, что «от простого к сложному» — единственный порядок? Я работаю с электрикой. Когда я обучаю ученика, я не начинаю с «провода», потом «автомата», потом «щитка». Я начинаю со схемы — с целого — и потом разбираю части. Сначала — цель (что мы строим), потом — механизм (как). Телеология — первая в обучении, а не последняя.

Лавров:
— И ты прав. Это — другой подход. Гегель выбирает движение «снизу

вверх» — от абстрактного к конкретному. Но можно двигаться «сверху вниз» — от конкретного к абстрактному. Аристотель двигался сверху: цель — форма — материя. Гегель — снизу: материя (бытие) — форма (сущность) — цель (понятие). Оба — обоснованы. Оба — не единственно возможные.

Беркутов:
— Тогда зачем Гегель выбрал «снизу»?

Лавров:
— Потому что его задача — показать, что идея — не «дана», а — развивается. Если начать с цели — цель дана, и всё остальное — её реализация. Это — слишком легко. Гегель хочет показать, что цель — вырастает из низшего. Что механизм, сам по себе, доведённый до

предела, становится химизмом. Что химизм, доведённый до предела, становится телеологией. Что телеология, доведённая до предела, становится идеей. Идея — не «в начале», а — в конце. Не «дана», а — результат.

Беркутов:
— Но это — выбор, не необходимость. Можно построить логику иначе. И вот что я думаю: Гегель выбрал этот порядок, потому что ему нужно было прийти к идее в конце. Если бы он начал с идеи — ему не нужно было бы «Науку логики» писать. Вся логика — это длинный путь, чтобы показать, что идея — в конце. Но это — предрешённый результат. Структура определена тем, куда Гегель хочет прийти.

Лавров:
— И я не буду защищать Гегеля от этого обвинения. Ты прав. «Наука логики» — не «свободное исследование». Это — часть системы. Система: логика → природа → дух. Логика заканчивается идеей. Идея «отпускает себя» в природу. Дух возвращается к идее через природу. Всё — замкнуто. И путь логики — от бытия до идеи — предопределён этим замыслом. Гегель не «открыл», что идея — в конце. Он «показал», что если идти диалектически — придёшь к идее. Но «если идти диалектически» — и есть его метод. Метод и результат — связаны. Метод — доводит до результата. Результат — оправдывает метод. Круг.

Беркутов:

— Круг. Но круг — не доказательство. Круг — структура. Гегель построил круг и говорит: «смотрите, всё сходится». Но всё сходится, потому что он так построил. Это — как если бы я собрал щиток по своей схеме и сказал: «смотрите, всё работает». Конечно работает — я по схеме собирал.

Лавров:
— И это — серьёзная критика. Не только твоя. Шелер, Кронер, Гартман — все спрашивали: «Наука логики» — логика или метафизика? Гегель говорит — логика. Но если результат предрешён — это метафизика. Метафизика, облечённая в форму логики.

Беркутов:
— Тогда зачем читать?

Лавров:
— Потому что даже если результат — предрешён, путь — нет. Каждая категория, каждый переход — работает. Диалектика бытия → ничто → становления — точна. Переход количества в меру — точен. Противоречие как двигатель — точен. Ты можешь не принимать, что «всё — идея», и всё равно — пользоваться диалектикой как методом. Метод — работает и без метафизики.

Беркутов:
— Вот это — главное. Метод — работает. Структура — предрешена. Но метод — живой.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА

Беркутов:

— Давай поговорим об этом прямо. Гегель — идеалист. Идея — в начале (как замысел) и в конце (как результат). Природа — «инобытие» идеи. Дух — возвращение идеи к себе. Вся система — идеалистическая. И «Наука логики» — фундамент этой системы. Значит — логика написана на идеологической основе?

Лавров:
— Да. И Гегель этого не скрывал. Он считал, что логика — не формальная схема, а — структура абсолютного. «Наука логики» — не учебник по рассуждению, а — онтология. Логика = онтология. Бытие и мышление — одно. Это — идеализм, и он — основа всего.

Беркутов:
— Тогда вот вопрос. Если логика =

онтология, и онтология = идеализм, то — логика = идеализм. А если я не идеалист? Если я — материалист? Если я думаю, что природа — первична, а идея — вторична (продукт мозга)? Могу ли я читать «Науку логики»?

Лавров:
— Можешь. Но — с поправкой. Ты читаешь не как Гегель, а — против Гегеля. Или — мимо Гегеля. Берёшь метод — отбрасываешь метафизику. Маркс так и делал. Он взял диалектику — отбросил идеализм. Получился диалектический материализм.

Беркутов:
— И это работает?

Лавров:
— И да, и нет. Работает — как метод. Не

работает — как система. Марксизм потерял систему Гегеля, но сохранил метод. А без системы метод — «блуждает». Ленин это понял и пытался вернуться к Гегелю. Но — не до конца.

Беркутов:
— Я не марксист и не гегельянец. Я — электрик, который хочет понять, как мышление работает. Мне не нужна система. Мне нужен метод.

Лавров:
— И метод — у тебя есть. Ты его сегодня использовал. Каждую категорию ты формулировал своими словами, проверял на примерах, находил переходы. Это — диалектика. Без идеализма. Без системы. Без «абсолютной идеи». Просто — метод движения мысли: от

непосредственного — через противоречие — к конкретному.

Беркутов:
— Но если я отбрасываю абсолютную идею — я отбрасываю конец логики. А если я отбрасываю конец — я отбрасываю и начало. Потому что у Гегеля начало и конец — одно. Бытие = абсолютная идея. Если я не принимаю идею — я не принимаю и бытие как «чистую непосредственность». Или — принимаю, но иначе?

Лавров:
— Иначе. Ты принимаешь бытие — не как «момент абсолютной идеи», а как — просто бытие. «Есть». Без метафизики. И от «есть» ты идёшь — через ничто, становление, качество, количество, меру — к сущности. И это — работает.

Без идеи. Без системы. Только — путь мысли.

Беркутов:
— Но тогда — где конец? Если нет абсолютной идеи — где остановка?

Лавров:
— Может быть — нигде. Может быть — конец — не конец, а — пауза. Мышление не заканчивается на идее. Оно — продолжается. В науке, в практике, в работе. Идея — не финал. Идея — момент. И после идеи — не «ничего», а — работа. Идея отпускает себя — не в природу (как у Гегеля), а — в практику. В дело.

Беркутов:
— В провод. В щиток. В схему.

Лавров:
— Да. И это — не критика Гегеля. Это — продолжение. Гегель сказал: «после логики — природа». Ты говоришь: «после логики — практика». Это — не противоречие. Это — следующий шаг.

ФИНАЛ

Беркутов встал. Подошёл к доске. Стёр всё. Написал одно слово:

БЫТИЕ

Потом — стрелка вниз. Длинная цепочка — от бытия через сущность к понятию. И — внизу:

АБСОЛЮТНАЯ ИДЕЯ

Потом — ещё одна стрелка вниз. И —

вопросительный знак.

— Вот, — сказал Беркутов. — Гегель говорит: после идеи — природа. Потом — дух. Потом — снова идея. Круг. Но я — не Гегель. Я — электрик. И я говорю: после идеи — работа. Провод. Щиток. Дело. Идея — не конец. Идея — начало работы.

Лавров:
— И ты знаешь, что это — гегелевский ход? «Идея отпускает себя» — у Гегеля — в природу. У тебя — в дело. Но структура — та же. Идея не остаётся в себе. Она — выходит. Она — работает.

Беркутов:
— Тогда — не круг. Тогда — спираль. Идея → дело → новые проблемы → новое мышление → новая идея →

новое дело. Не замкнутый круг, а — открытая спираль. Каждый оборот — точнее. Каждый шаг — конкретнее.

Лавров:
— Гегель сказал бы: это — и есть абсолютная идея. Идея — не «стоит в конце», а — движется. Метод — не результат, а — движение. И движение — не заканчивается. Оно — продолжается.

Беркутов:
— Тогда — последнее. Провод.

Лавров поднял бровь.

Беркутов:
— Провод — лучшее описание абсолютной идеи, которое я знаю. Провод — меди, а не форма. Медь — сущность, а не бытие. Ток — понятие, а

не материя. Провод — единство меди (сущности), формы (бытия) и тока (понятия). Провод — конкретное единство всех определений. В нём — бытие (он есть), сущность (медь), понятие (назначение — проводить ток). Все три тома — в одном предмете.

Лавров:
— И ты хочешь сказать — это и есть абсолютная идея?

Беркутов:
— Нет. Я хочу сказать — это и есть практика. Абсолютная идея у Гегеля — метод, который знает себя. Провод — метод, который работает. Не «знает» — а «работает». И в этом — разница между Гегелем и мной. Гегель думает, что познание —вершина. Я думаю, что практика — вершина. Не «знать, как

устроено», а — «сделать, что работает».

Лавров:
— И Гегель бы ответил: «сделать» — тоже познание. Действие — познание в форме практики. Различие — в форме, не в сути.

Беркутов:
— Может быть. Но я — не буду спорить. Я — запишу.

Беркутов подошёл к доске.
Под цепочкой «бытие → сущность → понятие → идея» написал: идея → ...

Не «точка». Многоточие. Не конец — продолжение. Идея не остаётся в себе. Она — выходит. В дело. В практику. В работу. В провод.

Лавров посмотрел на многоточие.

— Двоеточие, — сказал он. — Не точка.

— Двоеточие, — согласился Беркутов.

За окном — декабрьская тьма. Снег повалил. Фонари давно погасли. Аудитория 312 — пустеет. Но на доске — три цепочки, одна под другой, и внизу — многоточие.

Бытие: чистое «есть» → ... → сущность (то, что сохраняется)
Сущность: рефлексия → ... → понятие (то, что развивается из себя)
Понятие: единство → ... → идея (метод, который знает себя)
Идея → ...

Не конец. Начало.

СВОДНАЯ ЦЕПОЧКА ВСЕЙ ЛОГИКИ

ТОМ I. БЫТИЕ — переход (одно становится другим)

Качество:
Чистое бытие → Ничто → Становление (возникновение / прохождение) → Наличное бытие (Dasein) → Нечто и Иное → Определение и Характер → Граница → Конечность → Долженствование → Предел (Schranke → Дурная бесконечность → Истинная бесконечность → Идеальность → Для-

себя-бытие (Fürsichsein) → Одно (Eins) и Многое (Viele) → Отталкивание и Притяжение

Количество:
Непрерывность и Дискретность → Чистое количество → Экстенсивное и Интенсивное количество (Величина) → Количественное отношение (прямое / обратное / степенное)

Мера:
Мера (Maß) → Качественный скачок (Sprung) → Узловая линия мер (Knotenlinie) → Безразмерность (Maßlosigkeit) → СУЩНОСТЬ

ТОМ II. СУЩНОСТЬ — рефлексия (одно возвращается к себе через другое)
Сущность как рефлексия:

Видимость (Schein) → Рефлексия (полагающая / внешняя / определяющая) → Тождество (Identität) → Различие (Unterschied) → Противоположность (Gegensatz) → Противоречие (Widerspruch) → Основание (Grund) → Условие (Bedingung) → Существование (Existenz)

Явление:
Явление (Erscheinung) → Закон (Gesetz) → Целое и Части (Ganzes und Teile) → Сила и Выражение (Kraft und Äußerung) → Внутреннее и Внешнее (Inneres und Äußeres)

Действительность:
Действительность (Wirklichkeit) → Возможность / Необходимость / Случайность → Субстанция (Substanz) → Причинность (Kausalität) →

Взаимодействие (Wechselwirkung) → ПОНЯТИЕ (Begriff)

ТОМ III. ПОНЯТИЕ — развитие (одно развивается из себя)

Субъективное понятие:
Понятие (Begriff) → Всеобщее / Особенное / Единичное → Суждение (Urteil): наличного бытия → рефлексии → необходимости → понятия → Умозаключение (Schluss): наличного бытия → рефлексии → необходимости

Объективность:
Механизм (Mechanismus) → Химизм (Chemismus) → Телеология (Teleologie)

Идея:
Жизнь (Leben) → Познание (Erkennen) → Абсолютная идея (absolute Idee)

→ ...

═══

═══

═══════════════════════

СРАВНЕНИЕ ТРЁХ ТОМОВ

═══

═══

═══════════════════════

Том	Что исследуется	Как движется мысль	Ключевое слово
Бытие	Непосредственное	Переход: одно становится другим	«есть»
Сущность	Опосредованное	Рефлексия: возвращается к себе через иное	«через»

| Понятие | Единство того и другого | Развитие: раскрывает себя из себя | «из себя» |

Бытие: мысль идёт вперёд — от «есть» к «есть иное».
Сущность: мысль возвращается — от «через иное» к «через себя».
Понятие: мысль разворачивается — от «из себя» к «к себе, обогащённому».

Ритм:
Бытие — линейный, быстрый, переход за переходом.
Сущность — круговой, возвратный, каждое — через другое.
Понятие — спиральный, развитие из себя, каждое — момент целого.

Каждый том — конкретнее предыдущего:

Бытие — абстрактное (чистое «есть»).
Сущность — опосредованное (бытие, прошедшее через отрицание).
Понятие — конкретное (единство бытия и сущности).

Круг:
Бытие → ... → Сущность → ... → Понятие → ... → Абсолютная идея → ...

Не точка. Двоеточие. Идея отпускает себя — в дело, в практику, в работу. Не конец. Начало.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Этот текст — не «книга». Это — опыт.

Он сделан так: я читал Гегеля, не всё понимал, и разговаривал с искусственным интеллектом. Задавал вопросы. Спорил. Возражал. Из этого разговора выросли Беркутов и Лавров. Первый том — почти целиком из этого разговора. Второй и третий — продолжение, но уже с правками: я вносил критику структуры и идеологической основы, и ИИ. переписывал.

Я не скрываю, что ИИ участвовал. Я не выдаю это за «своё» в смысле «написал каждое слово». Но я не считаю это и «чужим». Вопросы задавал я. Спорил я. Выбирал я. И финал — провод, многоточие — мой.

Что здесь есть и чего нет.

Есть структура «Науки логики» — от чистого бытия до абсолютной идеи. Есть три тома: бытие, сущность, понятие. Есть Беркутов, который не понимает, и Лавров, который помогает понять. Есть критика структуры — Гегель выбрал свой порядок не случайно, и этот порядок предрешён его системой. Есть критика идеологической основы — логика к Гегеля неотделима от идеализма, но метод можно взять без метафизики.

Нет здесь полноты. Нет точного перевода всех терминов. Нет замены самому Гегелю. Если ты хочешь глубже — читай «Науку логики». Начни с первого тома, «Учение о бытии». Потом

— «Учение о сущности». Потом — «Учение о понятии». Там всё то же, но строже, точнее, труднее. И — полнее.

Зачем это.

Чтобы люди, которые не философы, увидели структуру. Чтобы те, кто боится Гегеля, перестали бояться. Чтобы стало видно: диалектика — не «умное слово», а метод. Движение мысли. От непосредственного — через противоречие — к конкретному.
И ещё — чтобы было видно: ИИ может быть собеседником. Не заменой. Не автором. Собеседником, который помогает думать. Если это кому-то пригодится — хорошо. Если кто-то после этого возьмёт Гегеля — лучше всего.

Провод. Многоточие. Двоеточие. Не конец. Начало.

==========

==========

==========

```
```